

Перед лицом страдания¹

Я собираюсь говорить сейчас о страдании, но не с философской точки зрения, не о его связи со злом, я буду говорить именно о том, как быть, когда перед нами встает страдание как факт. В своем выступлении я буду обращаться к тому опыту, который накопился у меня на протяжении многих лет в самых разнообразных ситуациях, когда мне постоянно приходилось иметь дело со страданием людей, подходить с вниманием к нему. Я работал в госпиталях, в мирное время и во время войны, около четырнадцати лет. Мне пришлось столкнуться со страданием во время войны, не только занимаясь полевой хирургией, но и общаясь с солдатами, которые страдали, затем мне пришлось иметь дело с человеческим страданием в качестве священника. И, как каждый из нас, я вынес какой-то опыт страдания из собственной жизни.

Первое, что я хотел бы подчеркнуть: выносить опыт, делать заключения из страдания других людей вполне оправданно, но вместе с тем в этом есть некоторая двусмысленность. Это оправданно, потому что если вы связаны с людьми привязанностью, дружбой, если для вас много значит то, что они стоят плечом к плечу с вами, как товарищи по оружию, если вас глубоко трогает тот факт, что они вверили вам свое тело, свою цельность, свое будущее, свою жизнь и смерть, то между вами есть уровень взаимопонимания: оно коренится в доступном нам сострадании. Но сострадание не есть страдание, оно не значит, что мы несем чужую боль так же, как сам страдающий, наравне с ним. Сострадание означает, что мы страдаем вместе с ним, и это положение более сложное. Если у вас есть собственный опыт страдания, ваше сострадание питается этим опытом, и тем не менее страдание ближнего вы знаете воображением, а не физически. С другой стороны, сострадание обнимает не только физическую боль, оно охватывает и нравственные страдания другого человека, всего человека, чье страдание перед вами. Так что вы увидите, что опыт, который я вынес из того, что наблюдал, очень несовершенный, но я могу также сделать некоторые выводы из того, что говорили страдающие люди, из свидетельства людей, которые имели право говорить о собственном страдании и о том, как можно справляться с ним.

¹ Пер. с англ. «On facing suffering». Выступление в Университетской церкви Пресвятой Девы Марии. Оксфорд, 1 февраля 1969 г.

Остановимся на минуту на этом последнем моменте: на том, как смотреть в лицо страданию. Есть разница: пассивно, робко или с возмущением претерпевать страдание — или принять его. Не каждый, кто страдает, принимает страдание, глядя ему в лицо. Очень часто мы бежим от страдания, а оно преследует нас, словно бич Божий. Посмотреть ему в лицо мы можем не в тот момент, когда собираемся с мужеством и соглашаемся трезво взглянуть на вещи; это возможно, только если нам есть на что опереться, в противном случае мы способны бываем на миг взглянуть в лицо страданию — и тут же нас сломит страх, тревога, сознание бессмысленности того, что мы переносим. Чтобы встретить страдание лицом к лицу, надо воспринимать жизнь смело и мужественно. Если мы изначально считаем, что жизнь должна быть легкая, что страданию нет места в ней, что главное — жить и получать от жизни все, что она может дать приятное, то очень трудно взглянуть в лицо страданию. Мы можем проявить мужество на короткое время, но не способны сделать его своей постоянной жизненной позицией. Но если я живу ради чего-то, если я готов умереть за что-то, если для меня существуют ценности бóльшие, чем я сам, вещи более значительные для меня, чем то, что случается со мной, у меня есть опора и я могу смотреть в лицо страданию.

Вы скажете: ну, это геройство! Нет. Так действует каждый из нас по отношению к некоторому кругу обязательств или взаимоотношений. Мы готовы встретить страдание и переносить его ради кого-то *одного*, вместе с кем-то одним или по определенной причине и отстраняем, вернее, отвергаем страдание, когда оно посылается нам ради другого человека или иной цели. Это говорит о том, что даже на самом низком уровне мы способны смотреть в лицо страданию, если оно как-то связано с ценностями, которым мы готовы служить, или с людьми, которые достаточно для нас значат, чтобы мы забыли самих себя. И тут, идет ли речь о Боге или о людях, решающее слово — *любовь*, не долг, не мужество. Понятие долга возникает, когда любовь слаба. Мать проводит ночь у постели больного ребенка: у нее нет чувства, что она «исполнила свой долг». Она просто не может поступить иначе. Платная сиделка исполняет свой долг. То же самое справедливо сказать, когда мы отдаем свою жизнь, когда живем или умираем ради чего-то, что глубоко заложено в нас, что важнее для нас, чем то, чему мы противостоим.

Страдание — не всегда зло. Это знает врач, знает медсестра, знают бывалые пациенты. Боль — момент, когда нам дается предупреждение, что что-то не в порядке. Иначе мы оказались бы в трагическом положении без всякого предупреждения. Начинающего медика учат, что, если пациент страдает, не следует облегчать его боль, пока не найдена ее причина: если снять боль, у врача порой не остается никаких данных; это же относится к

душевным страданиям. Бесполезно снимать боль успокаивающими средствами, или «опиумом для народа», или слабыми формами опиума, отводя людей от переживания страдания, заставляя их забыть о страдании на короткое время. Мы должны быть готовы помочь людям обнаружить причину страдания и помочь им справиться с ней.

Вы, может быть, скажете, что в медицинской ситуации все обстоит проще, потому что довольно быстро врач находит причину болезни и может облегчить ее. Да, но и тут есть другая сторона вопроса. Вы, наверное, замечали, как легко нас охватывает страх перед страданием, и сам этот страх становится причиной страдания даже большего, чем объективное страдание, которое мы несем. Если мы не научимся выносить страдание, когда оно настигает нас, как можно дольше, до предела наших сил, мы постепенно сможем терпеть все меньше и меньше, пока, наконец, потеряем всякую способность терпеть что бы то ни было. Мысль о страдании, страх, что оно вернется, заставит нас принимать какие-то меры или лекарственные средства — и мы доведем себя до полного поражения. Вы ведь знаете, как люди часто прибегают к аспирину или чему-то подобному, потому что чувствуют, будто что-то не в порядке. Часто это ощущение оказывается обманчивым, ничего не случилось бы, но если вы снижаете свой уровень выносливости, в какой-то момент окажется, что вы ничего не способны терпеть. И тут, как я сказал, вас ожидает полный крах, потому что и без всякой реальной причины вы будете жить в страхе, в тревоге: *a вдруг* появится боль, страдание. Как часто люди проводят долгую жизнь — семьдесят, восемьдесят, девяносто лет — в страхе смерти. Они могли бы жить спокойно и без страха всю жизнь, за исключением одного дня, если бы отложили свое ожидание смерти.

То же самое можно сказать о самых разных видах страдания, которые мы предвосхищаем и против которых стараемся бороться, порой успешно, пока дело касается нашего тела, но только увеличивая при этом свою предрасположенность тревожиться. А между тем смотреть в лицо реальности гораздо проще, чем мы воображаем. Это очень важно в нашем отношении к страданию. Очень часто мы находим его невыносимым не потому, что в данный момент не в силах терпеть его, а потому, что относительно выносимая боль данного момента помножена на воспоминание обо всем, что мы уже вытерпели, и на мысль о том, что страдание будет все длиться и никогда не перестанет. Очень часто люди сдаются, теряют мужество перед лицом страдания из-за того, что предвидят в будущем. Нам бы очень пригодилось умение в каждый миг нести сиюминутную боль, страдание, вместо того чтобы предвосхищать все будущее, вечную боль, бесконечное, все возрастающее страдание. Здесь можно процитировать слова: «У меня нет ничего общего со смертью: когда она придет, меня не будет, если я умер, ее

нет». Если я живу в настоящем времени, нет ни прошлого, ни будущего. Когда я окажусь в той точке пространства и времени, которую называю будущим, той минуты, которую я претерпеваю сейчас, уже не будет. Так зачем же мне проживать совокупность вспоминаемого прошедшего и воображаемого будущего, собранного в напряженный и невыносимый настоящий момент?

И кроме того, большую роль в терпении страдания играет осмысленность. А смысл может быть очень разного уровня: например, у нас хватает выносливости, когда мы действительно стремимся к чему-то, когда что-то важно для нас. Тогда мы все забываем и делаем то, что для нас важнее, чем наша боль, наш комфорт, даже покой. И мы ведь постоянно что-то терпим, всякие мелкие неудобства, когда действительно стремимся достичь чего-то. Я не говорю о великих примерах, о стоиках, но все, что в духовной жизни мы называем аскетизмом, означает «тренировка» — и очевидно, что тренировка предполагает, что я буду принуждать себя изо всех сил, до предела своих возможностей отказаться от одного и делать другое. Бегун должен отложить временную лень, преодолеть усталость и прийти к каким-то результатам, в противном случае, если он не делает это настойчиво, он никогда не разовьет свое дыхание и мускулы. Это относится ко всем формам жизни. Мы постоянно, даже не сознавая того, находимся в состоянии аскетической тренировки. Эта ситуация становится проблемой, когда к ней примешивается нравственное или физическое страдание, и тогда нам приходится оценить некоторые моменты. Готов ли я сразу сдаться, что бы ни встретилось на моем пути? Готов ли я к поражению? Неужели мне недостает чувства собственного достоинства, чтобы противостоять?

Я не хочу сказать, что можно построить настоящую внутреннюю жизнь, прочную и полноценную, на гордости, но на чувстве собственного достоинства — да, можно. И порой даже предполагаемое страдание может быть побеждено этим чувством достоинства. Помню, во время освобождения Парижа мне предстояло пересечь совершенно пустой мост. Вся беда была в том, что на другом его конце стоял пулемет, — собственно, поэтому-то мост был безлюдный. Но идти надо было. И помню, стоя на четвереньках за углом, я подумал: как быть? Можно ползти, а можно идти... И вдруг я представил себе, как унижительно ползти по пустому мосту — надо мной небо, вокруг весь город, и всего-то впереди эта нелепая штука, которая может вовсе и не выстрелить! Встать и пойти меня побудило не мужество, мне просто стало стыдно, когда я представил себе, как нелепо будет ползти на животе 500 ярдов, в то время как ничего не происходит. Я думаю, что очень часто, если бы мы посмотрели на себя и подумали: не выгляжу ли я нелепо? — мы бы ответили: да, потому что страшусь чего-то (что может вовсе не произойти) и не готов к этому.

Бывают и другие ситуации, когда такая готовность приобретает гораздо большие глубины и значение. Я пока оставляю в стороне ту целенаправленность, о которой говорил раньше, желание сделать что-то, что сильнее моего страха, или внутреннего беспокойства, или физических препятствий, включая и острую боль. Сейчас я имею в виду взаимосвязь между страданием, физическим и нравственным, и нашим положением в мире людей.

Возьмем в пример зла человеческую жестокость, насилие. Человеческая жестокость всегда врезается раной в человеческую душу или человеческую плоть. Это — место встречи зла и добра или невинности... Есть мучитель и жертва. Какая же возникает ситуация? Может создаться ситуация ненависти. Жертва может обернуться к мучителю с ненавистью и постараться превратить в жертву его или свести всю ситуацию к соревнованию ненависти и равновесию, вернее, нарушенному равновесию силы, власти. Но это ничего не решает ни в отношении зла, ни в отношении страдания, потому что, если перевернуть ситуацию, если жертва станет мучителем, агрессором, зло просто удвоится, страдание только переместится на другую сторону. *С вашей* точки зрения разница велика, но объективно это не так. Количество ненависти возросло, страдания — тоже, и совершенно бесцельно, без всякого творческого результата; невозможно отучиться бить других, потому что тебя самого жестоко избили. Ты только решаешь: надо стать сильнее.

Но возьмите другую ситуацию, речь пойдет о конкретном человеке. Мой старший друг, Федор Тимофеевич Пьянов, во время войны был взят в концентрационный лагерь. Я встретил его после войны, и в беседе он сказал, что из концентрационного лагеря, где он провел четыре года, он вынес тревогу. Я спросил, что он имеет в виду — потерял ли он веру, или его одолело отчаяние, и он ответил: «Нет. Но пока я был в концентрационном лагере, я чувствовал, что у меня есть право и власть заступаться за тех людей, которые так мучили нас, потому что в каждое мгновение я был страдальцем и имел божественную власть простить. Теперь я не страдаю. Но те люди, которые причинили нам столько нравственной боли и физического страдания, стоят перед Богом. Когда-то они станут перед Его последним Судом, и когда я молюсь о них, я чувствую, что не могу больше молиться с уверенностью, что Бог меня слышит, потому что я больше не страдаю. Я ничем не могу доказать Богу, что моя молитва искренняя, что она идет из глубин». Вот человек, который встретился со страданием и сумел подойти к этой встрече *творчески*: это стало возможным, потому что в его подходе было достаточно крепости, чтобы зло было сведено на нет, хотя боль, страдание остались. Один из наших епископов, погибший в сталинское время, сказал: «Для христианина — привилегия умереть мучеником, потому

что только мученик сможет в день Суда встать перед судным престолом Божиим в защиту своих преследователей и сказать: в Твое имя и по Твоему примеру я простил их, Тебе больше нечего взыскать с этих людей!» Это до конца творческий подход к страданию, и на уровне страдальца, и на уровне зла, которое не равнозначно страданию.

И поскольку эти дни мы посвятили тому, как обнаружить Бога в нашей жизни, в человеческих взаимоотношениях, во внешних обстоятельствах жизни, я хотел бы коротко рассказать вам еще об одной женщине, моей сверстнице, которая умерла от рака груди. Она была женщина очень простой и непосредственной веры. Когда обнаружилось, что у нее острая форма рака, который, вероятно, убьет ее за довольно короткий срок, и что можно попытаться применить лечение, хотя успех маловероятен, она стала лечиться, потому что считала, что Бог, как говорит Писание, создал лекарство и врача (Сир 38:1—15) и совершенно законно ей лечиться. Лечение не помогло, и постепенно она стала умирать. У нее сделались язвы, затем глубокие раны, и в конце концов болезнь разъела ребра, так что были видны легкие. На протяжении всего этого времени эта женщина с невероятной простотой веры и невероятным мужеством, родившимся из ее простой веры, говорила: «Я не стану принимать никаких болеутоляющих средств, пока могу терпеть боль», — и терпела. Однажды ночью, уже под утро, она позвала мужа и сказала: «Теперь можешь давать мне что угодно, чтобы избавить от боли. Я лежала, и внезапно увидела Христа, и теперь я в мире. И больше не имеет значения, жива я или умерла». В эту минуту она почувствовала, что может равно принять жизнь и смерть и что она получила от страдания (и не только физического, потому что ей было сорок с небольшим лет, у нее были двое детей и муж, и она любила жизнь) все, что оно может дать. Она приняла это и теперь нашла вечную жизнь в лице Того, Кто есть Вечная Жизнь, и более не имело значения, как эта вечная жизнь скажется — выздоровлением или смертью.

Как я уже говорил вчера, я даю вам примеры, которые далеко превосходят наш опыт и явно далеко превосходят веру, и мужество, и глубину большинства из нас, но они показывают нам, на что способны человеческая душа и человеческое тело, чем может быть человек плоти и крови, когда у него есть простота и убежденность, — и не говорите мне, что они были способны на это, потому что, вероятно, были бесчувственны к боли.

И еще одно, последнее. Один из элементов душевного страдания при болезни — это чувство, что я страдаю, а Богу безразлично. Бог где-то вне. Он восседает, словно арбитр, наблюдает, с должным ли расположением я страдаю, готовый увенчать меня венцом мученичества, когда я претерплю

больше, чем разумно можно было ожидать от меня... Это не так, и не так в двух отношениях. Вы, вероятно, знаете на опыте собственной жизни, как мучительно больно переносить страдание и отчаяние кого-то, кого вы любите больше, чем себя самого, или столько же, сколько себя самого, или просто со всей силой любви, какая у вас есть. Так вот, нам надо помнить, что таково положение Бога по отношению к нам. Мы достаточно значим для него, чтобы Он возжелал нас в бытие, чтобы мы стали Его спутниками на вечность. (Боюсь, глядя на самих себя и на окружающих, мало кто из нас пожелал бы иметь своих соседей спутниками в вечности!) И кроме того, ценность, которую Он ценит нас, — это вся жизнь и вся смерть Единородного Сына Божия. Вот что мы значим для Него.

И когда мы говорим о Божественном сострадании, у нас есть мера этому состраданию. Это не душевные страдания, которые мы испытываем, а нечто больше. Мы ведь не умираем от этого страдания — *Он умер*. И солидарность, которая есть между Им и нами, не просто солидарность из чувства симпатии, она идет гораздо дальше. Он стал человеком и принял все ограничения нашей природы. Больше того: Он стал человеком и согласился войти в *единственную* трагедию человечества, потерю Бога. Мы потеряли Бога и потому умираем, что в нас нет вечной жизни; и весь наш мир мы чудовищно извратили, потому что у нас нет ключа к гармонии. И в словах Христа: *Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?* (Мк 15:34) — мы должны видеть их подлинный смысл. Это момент, когда Он согласился настолько полно отождествиться с нами, что опытно пережил полное, убийственное, мертвящее *безбожие* и умер — потому что разделил с нами нашу обезбоженность, отсутствие Бога.

Если это так, то мы можем понять, что Его страдания на кресте, Его смерть не могут быть измерены болью, которую Он испытал, и тем, что Он умер. Мера Его страданий — в том, что Он не мог пройти через гефсиманские муки, через ужас Страстной недели, иначе как облекшись в нашу обезбоженность, отождествив Себя с нами в нашей оставленности. Вот мера Божией солидарности, и это, я думаю, должно показать нам: что бы мы ни претерпевали, Его страдания больше наших — Он страдает в нас, из-за нас и с нами. А раз так, то мы можем вытерпеть гораздо больше, чем обычно терпим.

Так что будем просто смотреть в лицо жизни со всем мужеством и всей решимостью, на которые мы способны, *больше*, чем мы способны, со всей возможной нам открытостью. Будем принимать мелкие и большие страдания до предела своих сил, чтобы отучиться от рабского страха перед тревогой и болью, который разрушает нас. Воспримем из душевной и физической боли, из причастности к гефсиманской муке, из ее понимания,

воспримем от страдания и от смерти все, что они несут, и тогда увидим, что можем поистине быть на земле народом Божиим. То есть искупительным присутствием Христа, Который через страдание вошел до предела в полную солидарность с нами, Который довел ее до полноты в Своей смерти и Который через страдание, изнутри страдания, подобно тому человеку, о котором я упоминал, приобрел божественную власть уничтожить зло, победить, преодолеть зло, простить — и сделать реальностью Царство Божие: может быть, на мгновение и вместе с тем навсегда.

Я сознаю, что говорил о своей теме ограниченно и отрывочно. Но примите то, что я сказал, продумайте это, сопоставьте с тем, что сами знаете о страдании, знаете о жизни и борьбе, с собственным опытным знанием мужества и веры и тогда узнаете еще очень многое, чего я не знаю. И делитесь этим с другими! Потому что нам нужна взаимная поддержка, чтобы стоять перед лицом общей трагедии человечества, как и перед нашей собственной. А теперь я хотел бы призвать на вас Божие благословение, и напоследок произнесем вместе Молитву Господню.